

Н.П. Таньшина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,

119571 г. Москва, Российская Федерация;

Государственный академический университет гуманитарных наук,

119049 г. Москва, Российская Федерация;

Московский педагогический государственный университет,

119991 г. Москва, Российская Федерация

Наполеон – тоталитарный лидер? К вопросу об «околонаучных» дискуссиях в историографии

Статья посвящена спорам, происходящим в исторической науке и особенно в средствах массовой информации вокруг имени и наследия Наполеона Бонапарта. В центре внимания автора статьи – «околонаучные» дискуссии, связанные с представлением о Наполеоне как о тоталитарном лидере, предшественнике авторитарных и тоталитарных режимов XX в. Несмотря на то что подобные дискуссии порой не носят научного характера, они имеют большой общественный резонанс, поскольку активно подогреваются СМИ. На основе анализа работ англосаксонских и французских авторов прослеживаются истоки представлений о Наполеоне Бонапарте как о тоталитарном лидере, а также анализируются причины появления таких «теорий».

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, историография, тоталитаризм, Адольф Гитлер, СМИ, Тьерри Ленц, Жан Тюлар

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Таньшина Н.П. Наполеон – тоталитарный лидер? К вопросу об «околонаучных» дискуссиях в историографии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 87–97. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-87-97

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-87-97

N. Tanshina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, 119571, Russian Federation;

State Academic University for the Humanities,
Moscow, 119049, Russian Federation;

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Is Napoleon a totalitarian leader? On the issue of “pseudoscientific” discussions in historiography

The article is devoted to the disputes that occur in historical research and especially in the media around the name and legacy of Napoleon Bonaparte. The author of this article focuses on “near-scientific” discussions related to the idea of Napoleon as a totalitarian leader, the predecessor of authoritarian and totalitarian regimes of the twentieth century. Despite the fact that these “discussions” sometimes do not have a scientific character, they have a great public response, because they are actively heated by the media. Based on the analysis of the works of Anglo-Saxon and French authors, the article traces the origins of ideas about Napoleon as a totalitarian leader, and also analyzes the reasons for the appearance of such “theories”.

Key words: Napoleon Bonaparte, historiography, totalitarianism, Adolf Hitler, mass media, Thierry Lentz, Jean Tulare

Acknowledgements. The article was prepared as part of the research work of the state task of RANEPА.

FOR CITATION: Tanshina N. Is Napoleon a totalitarian leader? On the issue of “pseudoscientific” discussions in historiography. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 87–97. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-87-97

Наполеон притягивает и отталкивает, завораживает и вызывает неприятие, но никого не оставляет равнодушным. В свое время Виктор Гюго заметил, что французы то показывают, то прячут Наполеона,

не в силах прийти к окончательному мнению, и эти слова вполне применимы ко дню сегодняшнему [3, с. 146–166]. Отсюда и вечные споры вокруг Наполеона. Дебаты идут о том, кто он – наследник Революции или ее могильщик, тиран или реформатор, великий капитан или «кровавый ячмень», спаситель Франции или диктатор, виновный в ее закате, торговец, создатель современной Франции или, наконец, предшественник тоталитарных лидеров и создатель тоталитарного режима? Сторонников и тех, и других мнений немало. Его жизнь восстановлена буквально по дням; его переписка опубликована, источники многочисленны. Казалось бы, историкам уже все известно о Наполеоне, но они почему-то продолжают и продолжают спорить о нем...

Последние трагические события, так или иначе связанные с именем и памятью Наполеона, стали предметом бурного общественного обсуждения, осуждения, дискуссий, спекуляций и отразились на исторической науке как таковой, не говоря уже о реконструкторском движении. В соцсетях люди так и пишут: «Не могу даже слышать о Наполеоне!» Недавно в Москве состоялся фестиваль «Цифровая история», на котором я должна была выступать с сообщением о Наполеоне как литературном образе. Должна была, но выступила совсем с другим докладом. Почему? Организаторы решили «перестраховаться» и не обращаться к наполеоновской проблематике. То есть само имя Наполеона в какой-то степени стало табуированным.

У Наполеона множество ипостасей. Он сам создавал свой образ и свою легенду, а миф и антимиф, «золотая» и «черная» легенды, начали формироваться еще при его жизни. А две главные его ипостаси прямо противоположны. Первая: Наполеон – герой, создатель современной Франции, ее важнейших политических и правовых институтов. Говоря словами известнейшего наполеоноведа Жана Тюлара, Наполеон – архетип спасителя, прообраз «спасителей», «которыми, как вехами, отмечена история Франции XIX–XX веков... Наполеон проторил дорогу Кавеньяку, Луи Наполеону Бонапарту, Тьеру, Петену и де Голлю» [4, с. 350].

Вторая ипостась: Наполеон – это зло. Лионель Жоспен, политик левого толка, так и назвал свою книгу – «Наполеоновское зло» [11], обвинив Наполеона среди прочих грехов в изобретении авторитарной формы правления. Но Наполеона обвиняют в изобретении не только авторитаризма, но и тоталитаризма; более того, доходят до того, что именуют его «промоутером геноцида» [14; 15]. Собственно говоря, все эти обвинения порой адресуются и Французской революции в целом, которая также является политически ангажированной темой.

Подобные заявления с завидной регулярностью повторяются в СМИ. Но вся эта продукция, иногда имеющая эфемерный успех, зачастую

не относится к серьезным научным работам, потому я и вынесла в название статьи термин «околонаучные дискуссии». Как отмечает известный специалист по наполеоновской эпохе, директор Фонда Наполеона Тьерри Ленц, эти идеи всегда популярны у массового читателя, падкого до сенсаций и вообще до всего, что связано с именем Наполеона, однако, считает Ленц, они не оказывают влияния на состояние исторической науки как таковой и на трансформацию взгляда на Наполеона как на создателя современной Франции, который, по мнению Ленца, постепенно начинает утверждаться в обществе. Может быть, позиция французского историка слишком оптимистична, но он полагает, что авторы подобных работ ведут лишь арьергардные бои, используя устаревшие аргументы. И в целом убежден, что французская наука уже давно должна выйти из манихейства 1950–1970-х гг., т.е. черно-белого взгляда на Революцию и Наполеона [14, р. 7].

Обвинения Наполеона в тоталитаризме возникли в XX в., когда тоталитарные и авторитарные режимы стали реальностью. Художественная литература очень чутко реагирует на состояние общества, и Джордж Оруэлл в «Скотном дворе» вывел образ Наполеона-борова, устанавливающего тоталитарный порядок. И хотя образ агрессивного кабана Наполеона отсылает скорее к Сталину, но Оруэлл так или иначе вписывает Наполеона в семью диктаторов XX в. Примечательно, что в первых переводах на французский он носил имя Цезарь, поскольку во Франции запрещено называть свиней Наполеонами. Правда, позже оригинальное имя вернули.

При этом если у Оруэлла Наполеон – объект критики как тоталитарный лидер, то идеологи фашизма и национализма еще до создания Третьего рейха взяли образ Наполеона на вооружение как эталон сильной личности. В 1927 г., когда во Франции вышел на экраны знаменитый немой фильм Абея Ганса, посвященный Наполеону, немецкий публицист Вернер Хегеман (1881–1936) констатировал, что его соотечественники очарованы Наполеоном. При этом у немцев Наполеон вызывал амбивалентные чувства: не только притяжение и очарование, но и ненависть. Наполеон – великий человек, объединивший свой народ, но нанеший поражение немцам и итальянцам. Однако позже немцы его победили, и эта победа способствовала их национальному единению. В период между двумя мировыми войнами победа над Наполеоном, одержанная в 1815 г., напоминала, что реванш над Францией за поражение в Первой мировой войне был возможен [18, р. 275]. Иными словами, немцы, как и французы, приспособливали имя Наполеона и память о нем к потребностям дня.

Уже с конца 1920-х гг. начинают публиковаться сравнительные биографии Наполеона и Гитлера. В 1941 г. Филипп Боулер, являвшийся с 17 ноября 1934 г. по 23 апреля 1945 г. начальником личной канцелярии Гитлера как руководителя НСДАП, опубликовал биографию Наполеона под названием «Гениальный Наполеон – светящийся след кометы» [6], в которой Гитлер трактовался как продолжатель дела Наполеона. Однако после того как немцы потерпели поражение под Москвой в 1941 г., книга была изъята из продажи: аналогии напрашивались совсем нежелательные.

На имени Наполеона попытается спекулировать и сам Гитлер. Поражение Франции в 1940 г. совпало со столетием перемещения останков Наполеона со Святой Елены. Нацисты использовали этот юбилей, чтобы организовать возвращение в Париж останков Орлёнка, сына императора, погребенного в Вене [18]. Как в свое время Луи-Филипп, Гитлер тоже хотел совершить этот символический акт, дабы польстить самолюбию французов. Однако, как и Луи-Филиппу, ему это не особенно помогло. В условиях оккупации и поражения память о наполеонидах больше не прельщала французов. В народе говорили: «Вместо угля нам привезли пепел» (имеется в виду уголь для отопления, что было особенно актуально в условиях зимы); «Нам вернули мертвого узника вместо узников живых» [16, р. 267]. Маршал Петен тоже использовал память о Наполеоне в своих целях, проводя аналогии с 1799 г.: тогда Бонапарт покончил с Первой республикой, чтобы спасти Францию. Петен положил конец Третьей республике, чтобы облегчить положение Франции, оккупированной немцами [13, р. 91].

Не остались в стороне и англичане. Во время Второй мировой войны английские власти сравнивали планировавшуюся немецкую операцию вторжения на Британские острова «Морской лев» с проектами Булонского лагеря. Сталин в 1941 г. также вспомнил не только о героях Древней Руси, но и о подвиге русского народа в Отечественной войне 1812 г. В газете «Свободная Франция», публиковавшейся в Лондоне, в номере от 15 мая 1942 г. появилась статья, в которой сравнивались две русские кампании – Наполеона и Гитлера – и делался вывод, что Гитлер, так же как и французский император, найдет в России могилу для своей армии [14, р. 197].

После войны за дело взялись историки. В 1949 г. увидела свет книга голландского историка профессора Питера Гейла «Наполеон: за и против». Эта работа бывшего узника Бухенвальда до сих пор весьма популярна в англосаксонских научных кругах [1; 8]. В 1957 г. английский военный историк Уильям Джексон опубликовал книгу «Семь дорог на Москву», в которой обратился к истории вторжений Наполеона и Гитлера в Россию [10].

Как полагает Тьерри Ленц, традиция сравнения Наполеона и Гитлера имеет англосаксонское происхождение и уходит корнями к пропагандистской идее о том, что либеральная Великобритания сначала поднялась против кровавого якобинского террора, а затем и против порожденного Революцией тирана. И так же, как и Гитлер, Наполеон был побежден истинными защитниками всеобщей свободы, т.е. англичанами. Такие теории, которые Ленц справедливо называет абсурдными, имели определенный успех у публики, падкой на броские идеи, причем не только в Великобритании, но и во Франции [14, р. 196].

Очередной всплеск сравнительных биографий Наполеона и Гитлера пришелся на конец 1980-х – середину 1990-х гг., когда среди британских историков снова актуализировалась мода на проведение исторических параллелей между периодом борьбы с наполеоновской Францией и временем борьбы с гитлеровским рейхом.

Наиболее известной стала вышедшая в 1988 г. работа Десмонда Сьюарда «Наполеон и Гитлер» [2; 19]. Автор этой книги находит много общего между Наполеоном и Гитлером: бедное происхождение и амбиции юности; холерический темперамент, состояние фрустрации из-за нереализованных амбиций; нетерпимость к критике; оба – иностранцы; страстная борьба за власть; государственный переворот для прихода к власти; идея создания для одного новой Франции, для другого – новой Германии; выбор войны как средства достижения цели; желание завоевать Европу; поражение в войне с Россией; желание покончить с Англией с помощью континентальной блокады; сопротивление доминированию, в Испании – для Наполеона, в оккупированных странах – для Гитлера; поражение перед лицом коалиции государств; финал авантюры ценой разорения их стран. Разница же заключается в том, что в распоряжении Гитлера были современная наука, средства массовой информации и более эффективный контроль.

Анализируя эту книгу, Тьерри Ленц иронично добавляет, что автор забыл указать, что оба этих человека не любили холод и ненавидели показываться обнаженными.

Данная «методология» анализа, по словам Ленца, основана абсолютно на пустом месте. Речь идет исключительно о ловко составленном тексте, основанном на манихействе, зрелищности и использовании общих мест. Не Геббельс ли утверждал [14, р. 199], что чем абсурднее ложь, тем охотнее в нее верят?

Появление в 1991 г. книги сэра Алана Буллока, посвященной сравнительному анализу Гитлера и Сталина, еще больше подогрело интерес к теме сопоставления Гитлера и Наполеона. Однако Буллок все-таки

сравнивал деятелей, живших в одно время, бывших жесткими авторитарными лидерами и являвшихся прямыми противниками.

Что касается сравнений Наполеона и Гитлера, то они, как отмечает Ксавье Модюи, просто некорректны [18, р. 276]. Порой все их «сходство» просто притянуто за уши. Авторитарный имперский режим стал прототипом тоталитаризма, полиция Фуше породила гестапо, политика в отношении евреев стала матрицей Холокоста, наполеоновские завоевания – прообразом завоеваний немецких нацистов, и в целом Наполеон – это модель Гитлера. Почему не наоборот – непонятно [14, р. 197].

Французская исследовательница Анни Журдан также отмечает, что порой авторы сравнительных биографий доходят до абсурда в своих сравнениях: Наполеон и Гитлер были иностранцами в своих странах; оба были небольшого роста (Модюи в заключении к своей книге специально посвятил этому вопросу отдельный пассаж, отметив, что рост Наполеона (168 см) был средним для того времени [18, р. 281]); у обоих был холерический темперамент; Бонапарт, как и Гитлер, не выносил противоречий и подчинил мир железом и кровью [12, р. 12].

У Десмонда Сьюарда появились и французские подражатели. В 2005 г. была опубликована работа писателя, философа и историка Клода Рибба «Преступление Наполеона» [20]. На обложке этой книги написано: «За 150 лет до Гитлера один диктатор, не колеблясь, раздавил своим сапогом часть человечества. И это не Гитлер, а его модель, Бонапарт. Как бесчинства этого деспота – женоненавистника, гомофоба, антисемита, расиста, фашиста, антиреспубликанца, который ненавидел как французов, так и корсиканцев, вплоть до настоящего времени не замечались широкой общественностью? Почему часть Франции в XXI веке пытается превратить “мясника” черных в национального героя? Двести лет спустя Клод Рибб впервые предоставляет свидетельства и доказательства Преступления Наполеона».

Поскольку автор книги является защитником исторической памяти бывших рабов, возглавляет Комиссию Антильских островов, Гвианы и острова Реюньон, его прежде всего интересует политика Наполеона во время экспедиции на остров Сан-Доминго. Как отмечает Ленц, выдвигаемый им тезис о том, что Наполеон намеревался организовать геноцид «черных» на Сан-Доминго, является абсурдным [7].

По словам Ленца, эта и подобного рода работы основаны на слабой источниковой базе и неглубоком знании историографии. Но в работах такого рода это и не важно: речь идет о «полуправде» или вообще лжи, с помощью которой создается некий тезис. Аналог – работы о «тайнах» смерти Наполеона [14, р. 200].

Опубликованная за несколько дней до двухсотлетия Аустерлицкого сражения, эта работа спровоцировала большую шумиху во Франции, что позволило автору книги утверждать, будто бы именно он испортил все памятные мероприятия. Но дело было не в нем, а в президенте Ж. Шираке, распорядившемся отменить юбилейные мероприятия, связанные не только с празднованием Аустерлица, а вообще с коммеморациями Первой империи.

Мы вышли еще на один важный упрек в адрес Наполеона, обвиняемого не только в тоталитаризме, но и в геноциде. Мишель Вовель, крупнейший историк-марксист, «последний из могикан», не так давно ушедший из жизни, в своей последней книге воспоминаний с негодованием отмечал, что в 2005 г. бурно обсуждали «преступления Наполеона» и «геноцид» в отношении населения Сан-Доминго [23, р. 112]. Известный историк Пьер Нора в интервью газете «Le Monde» 18 февраля 2006 г. подчеркнул, что так можно договориться до того, что и сама Французская революция будет восприниматься как преступление против человечества.

Надо сказать, что это уже происходит, особенно в связи с дискуссиями относительно событий гражданской войны в Вандее. Французский историк и издатель Рейналь Сеше более 30 лет добивается признания гражданской войны в Вандее геноцидом, а преступления против памяти об этой войне именуется «меморицидом». Однако эта позиция вызывает резкое неприятие у левой историографии. Так, крупный французский историк-марксист Клод Мазорик именуется идею «франко-французского геноцида» Сеше «безумной фантазмагорией», которая «не поддерживается ни одним серьезным историком» [5, с. 408]. Конечно, это далеко не так. Например, известный историк Пьер Шоню, научный руководитель Сеше, весьма высоко оценивает работы своего ученика. Он написал предисловие к книге Р. Сеше 1992 г., в котором также именуется войну в Вандее геноцидом: «Эта война была самой жестокой из всех религиозных войн и первым идеологическим геноцидом» [21, р. 24].

Жан-Клеман Мартен, один из ведущих специалистов по Вандее, не именуя войну геноцидом, называет ее антиреволюционным символом, чемпионом среди оппонентов Французской революции [17, р. 9]. Регион живет событиями той войны до сих пор, поэтому Мартен называет войну в Вандее «неоконченной» [Там же, р. 15].

Такое отношение к позиции Р. Сеше связано с тем, что он покусился на святая святых, а изменения в отношении к «священной корове» Революции происходят во Франции очень медленно, ведь Революция – это матрица современной политической культуры Франции. Иными словами, если признать войну в Вандее геноцидом, значит, поставить под сомнение Революцию как таковую.

Именно поэтому термины «геноцид» Наполеона и «геноцид» в Вандее неприемлемы для власти, при том что Наполеон для официальных властей в целом – это зло. Но Наполеон и Вандея – порождение Революции, а Революция – это святое, как бы к ней ни относились.

Несмотря на то что ведущие французские наполеоноведы, такие как Жан Тюлар, Тьерри Ленц, Пьер Бранда, Артур Шевалье, считают эпоху Консульства и Империи кульминацией Революции, когда были закреплены ее основные принципы, в обществе и среди правящей элиты отношение к Наполеону очень неоднозначное. А поскольку проблематика Революции и Наполеона политически ангажирована, как и сами историки (левые отторгают Наполеона, правые видят в нем создателя современной Франции), дискуссии о Наполеоне, как научные, так и околонучные, будут происходить постоянно. Ведь как говорил Ленц в одном из своих интервью, Наполеон – это не только о прошлом, это о французах и европейцах XXI в. [15]. Вообще-то актуализация истории – характерная черта обыденного сознания, а не исторического. Но тема настолько политически ангажирована, а личность Наполеона настолько масштабна, что и историки не могут не выходить на современность, а выводы зачастую делают, исходя из своих политических пристрастий.

Сейчас порой говорят об упадке Франции. Несмотря на все дискуссии о Наполеоне, при нем французы точно не ощущали себя «упадочной» нацией, более того, именно Наполеон дал французам чувство национальной гордости и национального величия. Идея величия Франции была ключевым принципом Шарля де Голля, и первый президент Пятой республики отдавал должное Наполеону. В беседе с Андре Мальро генерал де Голль произнес замечательные слова: «Он оставил Францию меньшей, чем ее нашел, это так... Но это как с Версалем: его надо было создавать. Нельзя торговать величием» [16, р. 102]. Вот и современные французы, на мой взгляд, снова хотят ощутить это чувство величия, как было раньше, при Наполеоне и де Голле, а не быть просто «младшим партнером» заокеанских друзей. Последняя сравнительная биография Наполеона и де Голля в 2017 г. была опубликована крупным французским историком Патрисом Генифе [9].

Таким образом, наполеоновская эпоха нуждается в серьезном исследовании и переосмыслении, ведь для французских историков Наполеон не являлся приоритетной темой, его не изучали ни в университете, ни в школе. И несмотря на то что сенсации, разоблачения, мистификации,

связанные с его именем, будут появляться постоянно, этой темой должны заниматься не падкие на жареные факты журналисты и не дилетанты-любители, а специалисты. Людям нравятся сказки, особенно страшные, и людям свойственно видеть то, что они хотят увидеть. А политтехнологи или политически ангажированные историки найдут в истории все что угодно. И запишут и братьев Гримм, и Ульриха фон Гуттена в отцы-основатели национал-социализма, а потом и Наполеона в предшественники Гитлера; только одни будут это делать с гордостью, другие – с содроганием. Все это лишь подтверждает необходимость дальнейшего изучения наполеоновской проблематики.

Библиографический список / References

1. Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2018. [Zemtsov V.N. Velikaya armiya Napoleona v Borodinskom srazhenii [The great army of Napoleon in the battle of Borodino]. Moscow, 2018.]
2. Сьюард Д. Наполеон и Гитлер. Смоленск, 1995. [Seward D. Napoleon i Gitler. [Napoleon and Hitler: A Comparative Biography]. Smolensk, 1995.]
3. Таньшина Н.П. Наполеон Бонапарт в исторической памяти: между мифом, брендом и легендой // Новая и новейшая история, 2019. № 3. С. 146–166. [Tanshina N.P. Napoleon Bonaparte in historical memory: Between myth, brand and legend. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2019. No. 3. Pp. 146–166. (In Russ.)]
4. Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» / Пер. с фр. А.П. Бондарева; Вступ. ст. А.П. Левандовского. М., 2012. [Tular J. Napoleon, ili Mif o «spasitele» [Napoléon et la noblesse de l'Empire]. A.P. Bondarev (transl. from French); A.P. Lewandowski (introductory article). Moscow, 2012.]
5. Чудинов А.В. Жизнь и революция. Интервью с Клодом Мазориком // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации / Под ред. А.В. Чудинова. М., 2018. С. 396–424. [Tchudinov A.V. The life and revolution. Interview with Claude Mazoric. *Frantsuzskiy yezhegodnik 2018: Mezhhkul'turnyye kontakty v period inostrannoy okkupatsii*. A.V. Tchudinov (ed.). Moscow, 2018. Pp. 396–424. (In Russ.)]
6. Bouhler Ph. Napoleon: Kometenbahn eines Genies. München, 1941.
7. Branda P., Lentz T., Lheureux-Prévot Ch. Napoléon, l'esclavage et les colonies. Paris, 2006.
8. Geyl P. Napoleon: For and Against. L., 1949.
9. Gueniffey P. Napoléon et de Gaulle. Deux héros français. Paris, 2017.
10. Jackson W.G.F. Seven roads to Moscow. L., 1957.
11. Jospin L. Le Mal napoléonien. Paris, 2014.
12. Jourdan A. Mythes et légendes de Napoléon. Paris, 2004.
13. Kern E. Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du Premier Empire. Paris, 2016.
14. Lentz T. Napoléon et la France. Paris, 2015.
15. Lentz T. À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon. *Le Point*. 15.08.2019.
16. Malraux A. Les chenes qu'on abat. Paris, 1971.

17. Martin J.-C. Une guerre interminable. La Vendée deux cents ans après. Paris, 1985.
18. Mauduit X. L'Homme qui voulait tout. Paris, 2015.
19. Poisson G. Le retour des cendres de l'Aiglon. Paris, 2006.
20. Ribbe C. Le crime de Napoléon. Paris, 2005 (réimp. 2013).
21. Secher R. Le génocide franco-français. La Vendée – Vengé. Paris, 1992.
22. Seward D. Napoleon and Hitler: A comparative biography. L., 1988.
23. Vovelle M. Mémoires vives ou perdues. Essai sur l' Histoire et le souvenir. Paris, 2018.

Статья поступила в редакцию 10.12.2019, принята к публикации 12.02.2020
The article was received on 10.12.2019, accepted for publication 12.02.2020

Об авторе / About the author

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук; профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Natalia P. Tanshina – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History of the Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow; Leading Researcher at the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the Faculty of History, State Academic University for the Humanities, Moscow; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: nata.tanshina@mail.ru